Дэвид. П. Левин

Объектные отношения, работа и Я

УДК 159.9
ББК 88
Л36

Левин, Дэвид П.

Л36 Объектные отношения, работа и Я / Д. П. Левин ; пер. с англ. А. Багрянцевой. — 2-е изд., эл. — 1 файл pdf : 238 с. — Москва : Институт общегуманитарных исследований, 2020. — (Современная психология: теория и практика). — Систем. требования: Adobe Reader XI либо Adobe Digital Editions 4.5 ; экран 10". — Текст : электронный.

ISBN 978-5-7312-0969-4

Как психоаналитические теории объектных отношений могут помочь нам понять смысл и характер работы?

В настоящей книге Дэвид П. Левин использует психоаналитическую теорию объектных отношений в анализе мотивации работы и смысла работы. Взяв за основу труды таких авторов, как Дональд Винникотт, Отто Кернберг и Мелани Кляйн, он анализирует три ключевых фактора в понимании работы: чувство вины, жадность и Я. Особое внимание уделяется факторам, определяющим индивидуальную эмоциональную способность человека выполнять работу, используя при этом Я и весь творческий потенциал, а также рассматриваются всевозможные нарушения данной способности.

В данной книге рассматриваются следующие вопросы:

- проблема работы;
- жадность, злость и поиск собственного Я;
- навыки, власть и авторитет;
- работа и реальность.

Книга «Объектные отношения, работа и Я» будет интересна будет интересна психологам, психоаналитикам и организационным консультантам, а также всем тем, кого интересует, что же определяет качество нашей жизни на рабочем месте.

УДК 159.9
ББК 88

Электронное издание на основе печатного издания: Объектные отношения, работа и Я / Д. П. Левин; пер. с англ. А. Багрянцевой. — Москва : Институт общегуманитарных исследований, 2019. — 238 с. — (Современная психология: теория и практика). — ISBN 978-5-88230-489-7. — Текст : непосредственный.

В соответствии со ст. 1299 и 1301 ГК РФ при устранении ограничений, установленных техническими средствами защиты авторских прав, правообладатель вправе требовать от нарушителя возмещения убытков или выплаты компенсации.

ISBN 978-5-7312-0969-4 © Институт общегуманитарных исследований, 2019

Содержание

Предисловие 7

Введение 9

Глава 1. Проблема работы 23

Глава 2. Группа в процессе игры 57

Глава 3. Жадность, зависть и поиск собственного Я 86

Глава 4. Жизнь и смерть на работе 104

Глава 5. Репарация, эмпатия и общественные интересы 121

Глава 6. Навыки, власть и авторитет 161

Глава 7. Идентичность на работе 191

Глава 8. Работа и реальность 206

Глава 9. Заключение 225

Глава 1
ПРОБЛЕМА РАБОТЫ

Воображаемая реальность

Если характерная для маленького ребенка деятельность – это игра, то деятельность, характерная для взрослого человека, – это работа. Мы различаем работу и игру в зависимости от их различного отношения к реальности. В игре мы стараемся приостановить то, что Фрейд называет принципом реальности, в то время как в работе мы вынуждены признавать этот принцип. Мы можем предположить, что различная взаимосвязь – между работой и игрой по отношению к реальности – обусловлена разными мотивами. Однако, как мне кажется, мы можем узнать нечто важное о работе и игре, предположив, что цель в обоих случаях одинакова. Сделав это предположение, мы можем также предположить, что необходимость в работе возникает в связи с определенными ограничениями воображения как некоего средства достижения этой цели, поскольку, приостанавливая принцип реальности в игре, мы переводим нашу деятельность в сферу творческого созидания или фантазии. Почему же наше воображение может нас подвести?

Мы достаточно легко могли бы ответить на один из этих вопросов, предположив, что наша конечная цель – удовлетворение физической потребности. Тогда нам бы пришлось сосредоточить все свое внимание на ограничениях нашего сознания как механизма удовлетворения телесных потребностей. Мы могли бы представить, что едим, когда голодны; но если мы только представляем

себе, что едим, голод не покидает нас. Тем не менее, какими бы важными ни были наши физические потребности, едва ли это может объяснить разнообразие и интенсивность нашей работы; здесь не учитываются ни та работа, которую мы выполняем, ни необходимость, которой обусловлена наша работа как некое средство удовлетворения. Поэтому, даже в свете физической необходимости, мы вряд ли получим ответ на свой вопрос.

Если это не телесные потребности, которые мы стремимся удовлетворить через работу, тогда это должны быть потребности духовные. Но что же мы имеем в виду, говоря о духовном как о конечной цели? Как правило, ответ на этот вопрос относится к тому, что мы называем Я: в этом случае сознание рассматривается не как хранилище памяти, мыслей и каких-то представлений, а как некий посредник. Мотивации, такие как поиск собственного Я и интерес к этому Я, предполагают, что работа была приведена в действие сознанием-посредником. Я, понимаемое таким образом, по определению Хайнца Кохута, «и есть основа нашего ощущения бытия как независимого центра инициативы и восприятия»(1977, p. 176-7). И хотя этот посредник не может существовать без памяти, мыслей и каких-то представлений, это не просто присутствие, которое обеспечивает данный посредник; здесь также подразумевается нечто большее, что мы называем собственным Я. Через работу мы стремимся в первую очередь удовлетворить собственное Я, что в силу тех или иных причин невозможно сделать только с помощью воображения.

В каком-то смысле довольно странно, что мы не можем этого сделать, – ведь вполне можно поспорить с тем, что воображение является характерной активностью Я и непосредственно выражает наши чувства и стремления (именно то, что мы подразумеваем под этим определением). В своем воображении мы сами являемся посредниками; мы создаем и контролируем мир с единственной целью – сохранением чувства Я как субъекта. В воображении мы представляем Я в действии, ищущим и находящим удовлетворение. В каком-то смысле наша способность к воображению – это наша способность к посредничеству, и именно в активном воображении можно видеть непосредственное проявление посредни-

чества, которым является наше Я. Таким образом, Я зарождается тогда, когда мы представляем, что мы есть. В воображении мы проявляем способность создавать реальность и создавать самих себя в этой реальности. Именно тогда наличие Я ставит перед нами следующий вопрос: почему же недостаточно воображения, когда именно воображение указывает на присутствие Я?

Чтобы ответить на этот вопрос, позвольте мне вкратце затронуть вопрос о границах. Тело имеет свои явные ограничения, а удовлетворение телесных потребностей – это конечное путешествие с четко определенным конечным пунктом назначения. Эти ограничения невозможно применить в мире воображения, где мы не знаем границ; или, по крайней мере, нам известны только пределы, которые мы можем себе представить. Мы сможем лучше понять взаимосвязь между работой и игрой, если сначала поймем природу тех ограничений, которые мы способны представить. Эти ограничения возникают прежде всего потому, что наше воображение должно иметь материал для работы; материал, с помощью которого оно может создавать образ приемлемой для него реальности. Так, младенец вполне может представить себе, что находится у материнской груди, если у него есть такой опыт. Это не означает, что у ребенка нет врожденного импульса искать материнскую грудь. Безусловно, оно должен быть. Но испытывать определенные импульсы в отношении груди и способность представить себе опыт кормления – не одно и то же; и для нас здесь важна именно эта разница.

Опыт, созданный в воображении, отличается от фактического опыта в двух измерениях. Сначала он является полностью внутренним; далее он реконструирует мать и ее грудь, что должно скорее удовлетворить потребности ребенка, нежели принцип реальности, выраженный, например, отсутствием питающей груди. Разница, очевидно, не будет казаться столь огромной, поскольку можно утверждать, что в данном случае внешняя реальность доминирует над воображением, предоставляя весь материал, который должен помочь в попытке утвердить собственную свободу и, следовательно, посредничество. Тем не менее, наиболее примитивные различия между внутренним и внеш-

ним миром действительно важны, поскольку именно это является первым выражением творчества и, следовательно, свободы. Однако, вряд ли свобода будет иметь такое большое значение, если все, к чему она призывает, – это наша способность точно копировать в воображении тот опыт, который у нас был когда-то в реальности, но больше нам не доступен. Настоящая свобода требует, чтобы мы установили более существенные границы между самим опытом, воспоминанием об этом опыте и творческим конструктом.

Наша зависимость от опыта, обеспечивающего воображение неким сырьем, в конечном счете зависит от присвоения этого опыта сознанием. Психическое присвоение (образы и мысли) дает опыту форму, соответствующую внутреннему миру. Создавая внутренний мир, психическое присвоение опыта создает разницу между внутренним и внешним.[5] Мы используем термин интернализация для обозначения процесса, создающего эти различия. Если возможно преодолеть границы, налагаемые на воображение реальным опытом, это должно быть связано с качеством процесса интернализации. Это означает, что если мы хотим представить воображение как локус Я в качестве субъекта, тогда мы можем сделать это только через понимание интернализации опыта как процесса, который устанавливает значительную независимость от внешней реальности; процесс, выходящий за пределы непосредственного воспроизведения опыта как образа или мысли. Чтобы увидеть, что именно участвует в этом процессе, нам необходимо будет более внимательно рассмотреть вопрос связанный с интернализацией.

Самая первая наиболее примитивная форма интернализации – это поглощение. Отто Кернберг (1976, p. 29) описывает поглощение следующим образом:

[5] Вопреки данному утверждению можно предположить, что имеют место также примитивные врожденные фантазии, существующие независимо от опыта и степени родства. Поэтому воображаемое можно назвать биологической функцией.

> Это воспроизводство и фиксация взаимодействия с окружающей средой посредством организованного кластера цепочек воспоминаний, подразумевающих по крайней мере три составляющих: (i) образ объекта, (ii) образ Я во взаимодействии с этим объектом, и (iii) аффективная тональность как образа объекта, так и образа Я под влиянием влечений, представленных на момент взаимодействия.

В данном случаем представляется важным обратить внимание на то, насколько мало усилий требует поглощение, придающее объекту иную форму, отличную от той, которая соответствует его психической цели. Таким образом, описывая поглощение, Кернберг говорит о воспроизводстве и фиксации взаимодействия в окружении. Оба этих определения предполагают, что нечто, возникающее в сознании, целиком и полностью подавляется тем, что мы находим вовне. Но даже на этом примитивном уровне все равно должна осуществляться какая-то работа. На это указывает Кернберг в своем описании процесса формирования «кластера воспоминаний» (1976, p. 29). Иными словами, поглощение следует отличать от воспоминаний, и учитывать ту работу, которая требовалась для объединения воспоминаний в единую репрезентацию. Таким образом, поглощение способно производить нечто. В таком случае его следует рассматривать как своеобразную работу. Но репрезентации, являющиеся результатом поглощения, напрямую связаны с воспоминаниями, из которых они когда-то формировались, а мы имеем к ним только ограниченный доступ. Это означает, что поглощение создает психический объект, вряд ли сильно отличный от образа и воспоминаний опыта, связанного с внешним окружением. Поэтому поглощение работает на самом конкретном уровне, что соответствует психическому присвоению. В результате, по определению Мелани Кляйн, интернализированные объекты воспринимаются как «живые люди», существующие внутри тела (1992a, p. 345). Таким образом, понимание результатов интернализации вряд ли сможет привести нас к некоему посредничеству, ибо, как правило, мы можем наблюдать господство внутреннего мира над внешним.

Как может интернализация выходить за пределы воспоминаний и образов, связанных с конкретным опытом внешнего и уже существующего объекта, создавая разницу между внутренним и внешним мирами, что представляется важнейшим элементом в формировании Я как субъекта? Ответ на этот вопрос связан с определенным аспектом процесса интернализации, который мы пока еще не рассматривали здесь и который является непременным условием для объединения воспоминаний. Описывая процесс объединения или интеграции, Кернберг подчеркивает то, что он называет «слиянием интроекций одинаковой валентности» (1976, p. 30). Это означает, что кластеры воспоминаний делятся на имеющие положительную и отрицательную валентность, или, другими словами, на те, которые представлены в сознании определенным опытом в окружающей среде, и является хорошими (удовлетворительными) и плохими (фрустрирующими). Эта работа, направленная на интеграцию кластеров и придание им соответствующего эмоционального заряда, представляет собой то, что называется внутренним объектом.

Интеграция Я и объектных репрезентаций в отдельные единицы переводит внутренний объект от простой репрезентации к тому, что я буду называть некой идеей. Это становится возможным благодаря приведению в действие, пусть и в довольно примитивной форме, способности к абстрактному мышлению, представляющей собой способность абстрагироваться от опыта, содержащегося в памяти, и воспроизводить психический конструкт с качествами, пока еще не присутствующими непосредственно в опыте или воспоминаниях о нем. Чтобы возникло некое представление об объекте, мы должны проделать определенную работу, выводящую нас за пределы его поглощения. Подобный выход за пределы поглощения может привести нас к более продвинутым формам интернализации.

Кернберг вводит то, что я называю абстрактным мышлением и использованием представлений на языке «ролевых аспектов межличностного взаимодействия» (1976, p. 30). Когда мы придерживаемся в сознании не представления о каком-то конкретном человеке, а роли, которая может исполняться не только этим чело-

веком, но также и Я, это означает создание абстракции и подмену «живых людей» идеями.[6] Действительно, даже если мы понимаем конкретного человека как роль, которую мы могли бы занять, это означает некий переход, потому что это делает человека не данным конкретным человеком, а символической репрезентацией идеи. Кернберг обращает наше внимание на этот жизненно важный элемент, высказывая предположение, что опыт матери следует понимать как опыт, в котором мать актуализирует определенным образом «социально приемлемую роль матери» (1976, p. 31). Это очень важно, потому что в данном случае мы обращаем внимание на ключевые моменты в отношении использования идей: что как раз они определяют идеалы в поведении; идеалы, соответствующие или нет любому конкретному опыту, или, по словам Кернберга, «актуализируемые».

Используя здесь определение «представление» (идея), я имею в виду сложную конструкцию, существующую на разных уровнях, как доступных пониманию, так и нет. Я не имею в виду простое предположение о мире, сознательно удерживаемое в сознании, хотя такое предположение и может выражать определенное представление, поскольку мы начинаем это осознавать. Но наше знание (на уровне сознания) определенных представлений – это лишь часть знания о них, ибо любое осознанное представление – только часть сложной системы мышления (как на уровне сознания, так и бессознательно), подразумеваемой мной под данным определением.

Особенно важной в формировании этой сложной системы мышления является связь между идеей и фантазией.[7] Определение «фантазия» относится к представлению о Я (желаемое), взаимодействующему с внутренними объектами в тех контактах, ко-

[6] Более правильно будет сказать, что мы не столько заменяем живых людей, сколько внутренний мир расширяется, включая в себя объекты, созданные силами, не принимающими участие в примитивных процессах интернализации; все это можно наблюдать у живых людей, на которых ссылается Кляйн.

[7] О взаимосвязи между фантазией, идеей и работой – см. Чандер (1993, с. 80-1, 85, 88).

торые являются определяющими.[8] Фантазия придает определенную форму мощным импульсам. Фантазии составляют важное измерение идей; измерение, представляющее их силу для формирования определенного поведения. Это связано с представлением, что идеи обладают силой нашего воображения. Но они отделяют лежащие в основе импульсы от конкретных объектов, с которыми остаются связанными в примитивной фантазии. Иными словами, фантазия несет в себе тот смысл, который идеи привносят в наш опыт; смысл, неразрывно связанный с внутренними объектами в их наиболее конкретных формах, но для того, чтобы стать некой идеей, это должно принять какую-то более абстрактную форму. Таким образом, как мы предположили выше, мать, воспринимаемая как абстрактная идея, – это не воспоминание о каком-то событии или даже череде событий, и это не фантазия об опыте конкретной матери. Скорее, это более абстрактное связующее звено между событиями и тем, что формирует поведение и связи.

Для того, чтобы у нас сформировалась какая-то идея, мы должны избавиться от определенного опыта, от его простого психического присвоения себе (в виде мыслей и воспоминаний), и от его организации в фантазии. Этот уход от опыта и его психических форм я и подразумеваю под абстракцией или процессом абстрактного мышления. Этот процесс создает основу для независимости от внешнего объекта. Это связано с тем, что как только опыт психически присваивается и обретает существование в нашем сознании, он уже подлежит контролю. Другими словами, теперь можно переходить от запоминания к творческой реконструкции, от образа к фантазии и уже потом к идее. Этот переход от фантазии к идее создает эмоциональную основу для работы, поскольку для того, чтобы работать, «нужно уметь изменять фантазии в идеализированном Я таким образом, чтобы они стали своеобразными идеалами» (Czander, 1993, p. 85).

И поскольку имеет место этот переход, мы также переходим из состояния, в котором мы существуем как пассивно предающиеся

[8] Бессознательная фантазия, на которую я ссылаюсь здесь, иногда упоминается как «фантазия».

воспоминаниям, в другое состояние, где мы уже существуем как активные созидатели сначала из мира фантазии, а уже потом из каких-то идей.[9]

Итак, воображение должно привести к чему-то новому в сознании, например, как в рассмотренном выше случае, – к представлению о матери. Иными словами, младенец теперь способен представлять мать. Независимо от связанных с этим различий, сам процесс узнавания можно воспринимать как способность и импульс: способность представлять мир и импульс находить в нем удовлетворение. Эта комбинация импульса и способности формирует основу работы, поэтому я рассматривал воображаемую конструкцию объекта как первый шаг к работе.

На мой взгляд, будет полезно рассмотреть эту способность более внимательно. Если говорить в целом, эта способность привносит в игру отделение идеи в сознании от воспоминаний, связанных с реальным опытом. Младенцу эта сепарация дается проще, так как у него уже есть многообразный опыт, впоследствии объясняющий ему, почему объекты в его мире не фиксированы в зависимости от формы и функции, а претерпевают изменения. И это предположение может привести нас к пониманию объекта, который сам по себе может претерпевать изменения. Интеграция, рассмотренная мною ранее как процесс, формирующий внутренние объекты, идет еще дальше, потому что это связано не просто с объединением кластеров следов памяти, имеющих одинаковую валентность (хорошую или плохую), но и с интеграцией конечных кластеров в один объект, который является или, по крайней мере может быть, как хорошим, так и плохим. Данная интеграция – еще один шаг от конкретного определенного объекта опыта и воспоминаний, поскольку интеграция требует абстрагирования и, таким образом, задействует способность к абстрактному мышлению. У младенца могут быть как хорошие отношения с мате-

[9] Говоря о посреднике, мы не должны рассматривать процесс конструкции как нечто, происходящее полностью или, прежде всего, как часть осознаваемой психической деятельности. Большая часть созданных и сохраненных идей происходит вне нашего осознания и под контролем бессознательных психических процессов.

рью, так и плохие. Но для того, чтобы мать могла обеспечить ему и тот, и другой опыт, необходимо воспроизводство чего-то нового в сознании.

Можно сказать, что этот новый объект в сознании, который может находить выражение в самых разных качествах, существует как некая потенциальная возможность. Этот потенциал является концепцией или идеей, воспроизведенной абстракцией. Эта абстракция возможна до тех пор, пока маленький ребенок способен представить, что его различные переживания на данный момент, закодированные как различные воспоминания, могут быть интегрированы в единый психический объект, являющийся тем самым объектом, который может обеспечить ему разнообразные переживания. Работа, связанная с интеграцией опыта, формирующего объект в сознании, создает нечто отличное от воспоминаний, потому что она придает опыту новое качество, которое является потенциалом. Этот потенциал я называю идеей, и именно создание этого потенциала я подразумеваю под абстрактным мышлением, представляющим собой работу по зарождению объекта в сознании. Хотя младенцев и детей младшего возраста трудно описать как мыслящих абстрактно в полном смысле этого слова, но при отсутствии способности абстрагироваться их Я не сможет развиваться как посредник.

Идеи – это определенный потенциал, и это качество связывает их с инвестированием смысла в опыт. Как я предположил выше, смысл лежит в основе поведения и указывает на наличие посредника, формирующего связи, сответствующие фантазиям, берущим начало в желаниях. Мать, воспринимаемая как некая идея, – это потенциал для развития опыта. Когда мы относимся к матери таким образом, мы можем играть определенную роль в формировании опыта, соответствующего фантазиям, и делать то, что позволит осознать потенциал для обеспечения надежных связей. Подобная интернализация, способствующая определенному посредничеству, является интернализацией внешнего мира не как воспоминаний, а как некой идеи.

Первоначальный смысл, вкладываемый в опыт посредством использования идей, – представление о том, что удовлетворяю-

щий объект обеспечивает удовлетворение по собственной воле. Иными словами, движение в направлении некой идеи обусловлено не просто концепцией источника удовлетворения как потенциальной возможности, но и приписыванием воли этому источнику. Таким образом, цель состоит в том, чтобы обеспечить контроль над удовлетворением, чтобы оно подчинялось не воле внешнего объекта, а нашей собственной воле. Поэтому мы должны интернализировать мать не просто как источник молока или груди, но и как субъект, контролирующий как молоко, так и грудь.

Однако, по природе своей то, что должно быть интернализовано для установления Я как субъекта, – является не способностью обеспечивать удовлетворение, а способностью сохранять его. До тех пор, пока нашей идеей внешнего источника является то, что обеспечивает наши потребности, – это не воля, обеспечивающая удовлетворение, а потребность. Поэтому мы остаемся вне мира субъекта, посредника и Я. Действительно, до тех пор, пока мы не воспринимаем источник средств удовлетворения, как имеющий волю, на самом деле мы не формируем идею, а, самое большое, воспоминания. Когда мы получаем удовлетворение в соответствии с нашей потребностью, источник удовлетворения не может вступить в действие; следовательно, он существует не как субъект, а как пассивный объект, в данном случае грудь – скорее контейнер молока, нежели мать как самостоятельный субъект. Именно благодаря способности отказать в груди, дающей молоко и способной удовлетворять, мать становится для нас субъектом.

Мы можем рассматривать этот факт с двух разных точек зрения. Во-первых, наш опыт источника удовлетворения, удерживающего удовлетворение, приводит к интернализации желаемого объекта и направляет нас по пути развития представления о нашем Я как отдельном локусе воли и, следовательно, субъективности. Но в данной конструкции (построение процесса) есть определенная проблема, потому что она требует, чтобы мы связывали волю с каким-то отдельным опытом удовлетворения и фрустрации, и нет ничего такого, встроенного в сам опыт, что могло бы создать эту идею. Поэтому нам следует рассмотреть вторую точку зрения: воля оказывается инвестированной в объект актом

проекции. Наш импульс проявления инициативы заставляет нас связывать волю с неким внешним объектом. Затем, интернализируя этот объект, мы устанавливаем реальность субъективного состояния бытия, что выглядит как исключительно внутренний импульс. Как оказывается, эта сложная взаимосвязь между внутренним и внешним, представляющая субъективность как нечто реальное, является важной целью как работы, так и игры.

Отчасти за то, что плохой объект является умышленным объектом (это имеет особое значение для нашего понимания работы), отвечает импульс, который мы наблюдаем у субъекта, берущего на себя ответственность за данную ситуацию, особенно за то, будет ли внешний опыт удовлетворительным или фрустрирующим. Это означает, что интернализация опыта фрустрации может означать формирование внутренних объектных отношений, в которых Я отрицает собственные желания. Это необходимо для контроля за ситуацией, чтобы не стать пассивной жертвой судьбы, действующей извне. Это означает, что иногда суровые и разрушающие внутренние объектные отношения развиваются не просто как интернализация соответствующих связей во внешней среде, но как своего рода интерпретация провалов, связанных с окружением (небрежность), предполагающих соответствующую ответственность, и тем самым (1) устанавливающих элемент субъективности и (2) позволяющих надеяться на то, что неудовлетворительная ситуация в окружающей среде может быть исправлена посредством действий.

Принятие на себя ответственности также имеет важное значение, поскольку это защищает хороший объект (Fairbairn 1943). Сначала сохраняются его хорошие качества даже в свете неспособности обеспечить удовлетворительный опыт. Если его неспособность приносить удовлетворение обусловлена не тем, что он плохой, а тем, что плохие мы, тогда он может оставаться хорошим (и, следовательно, потенциальным источником удовлетворения), даже лишая нас удовлетворения. Но принятие на себя ответственности может также помочь защитить хороший объект от ущерба в фантазиях, вызванных агрессией против него и приведенной в действие из-за его неспособности обеспечить удовлетворитель-

ный опыт. В последнем случае принятие на себя ответственности означает перенаправление агрессии на себя. Это перенаправление агрессии в отношении собственного Я означает поощрение чувства вины и может, как мы увидим, обеспечить мощную мотивацию для всего, что связано с восстановлением и компенсацией хорошего объекта.[10]

Безусловно, это вовсе не значит, что субъективность может развиваться исключительно на основе опыта фрустрации. Для того чтобы развивалась и дальше идея о возможных удовлетворительных отношениях, должен быть опыт удовлетворения по отношению к внешнему источнику. Чтобы двигаться к абстракции, подразумеваемой в идее о потенциальных возможностях, должно быть как удовлетворение, так и разочарование, так как именно в последнем берет свое начало первое, как некий акт воли. Тогда удовлетворение также можно рассматривать как акт воли, совсем не обязательно полностью или даже в первую очередь связанный с сохранением удовлетворения; это также может быть связано с предоставлением желаемого опыта. Но возможно воля будет слишком тесно связана с актом сохранения удовлетворения – это реакция на внутренний мир, состоящий из объектных отношений, в которых фрустрация является доминирующей темой. В таких случаях жадность и зависть могут быть доминирующими мотивами в работе, целью которой является установление контроля над способностью других находить удовлетворение. В таких случаях Я идентифицируется скорее как способность контролировать удовлетворение, нежели способность вступать в отношения, доставляющие удовольствие.

Импульс, ведущий нас от воспоминаний и образов к определенным идеям, – это импульс, объясняющий наше разочарование исключительно миром фантазий и побуждающий нас к взаимному обмену с внешней реальностью. Это связано с тем, что идея, в отличие от образа или воспоминаний, является потенциальной и,

[10] Довольно спорно, что депривация вовсе необязательна для того, чтобы спровоцировать агрессию по отношению к объекту, тем самым создавая основу для мощных импульсов (искупления и компенсации), но скорее агрессия – нечто такое, возникающее внутри у младенца и маленького ребенка.

следовательно, ведет к реализации. Другими словами, в идее всегда чего-то недостает, потому что идея – это не то, что есть, но что могло бы быть. Таким образом, в отличие от образов или воспоминаний идея содержит в себе элемент воли и субъективности и поэтому способствует действию.

Винникотт сформулировал это на языке творчества и «действия, берущего свое начало в бытии» (1986, p. 39). Разница между творчеством и податливостью, о которой говорит Винникотт, – это разница между бытием и небытием или, говоря уже нашим языком, между существующим Я и отсутствующим Я.

> Можно показать, что в некоторых случаях в определенные периоды деятельность, указывающая на то, что человек жив, – это просто реакция на стимулы.Уберите стимулы, и у человека не останется жизни.
>
> (1986, p. 39).

То, что Винникотт называет «быть живым» и «ощущением реальности», – это та конечная цель, когда сознание, а не тело становится объектом удовлетворения, и сознание находит свое характерное удовлетворение не в реализации влечений, а в достижении чувства реальности, о котором говорит Винникотт. Это означает, что быть живым – это такое бытие, которое требует действий, если предполагается, что обещания должны быть выполнены.

Встроенной в идею, воспринимаемую как приводящий к действию потенциал, является концепция внешнего мира не как системы позволяющих объектов, которую нужно просто найти, а как некий набор возможностей для формирования результатов и, соответственно, превращения потенциала в реальность. Другими словами, мир снаружи теперь скорее постигается, нежели просто переживается; теперь это мир потенциальных возможностей. Когда мы относимся к реальному, как неким потенциальным возможностям, тогда работа становится как возможностью, так и необходимостью. Поэтому здесь необходимо подчеркнуть то, что для самой работы реальность должна существовать в особой форме. Чтобы понять работу, нужно понимать этот особый вид

реальности, подходящий для осуществления творческого потенциала.

Когда мы интернализовали способность создавать нечто хорошее, реальность принимает форму возможностей для формирования результатов, а не полностью сформированных объектов, и работа становится действием, позволяющим создавать нечто хорошее. Создавая хорошее во внешнем мире, мы осознаем и подтверждаем то хорошее, что есть у нас внутри. Именно в этом смысл работы. До тех пор, пока хорошее – это нечто, находящееся вовне, мы можем сделать только то, что должно быть сделано, чтобы спровоцировать удерживающий объект поделиться с нами хорошим. Собственно говоря, деятельность, посредством которой мы пытаемся спровоцировать объект, чтобы он предоставил нам нечто хорошее, – это вовсе не работа, потому что там не производится ничего такого, что ранее не существовало. Тем не менее, значительная часть того, что мы вкладываем в понятие «работа», целиком или главным образом можно отнести к деятельности, направленной не на производство, но вымогательство или присвоение товара, принадлежащего другому.

В подобной альтернативе работе мы придерживаемся примитивных отношений с хорошим и плохим объектом, воспринимаемыми как субъект, удерживающий и контролирующий хорошее. В такого рода отношениях только внешний объект предоставляет нам хорошее и, таким образом, делает нам добро. Интернализация изменяет то, что является ключевым в понимании смысла работы. Если итернализации не происходит, зависимость от внешнего источника хорошего по-прежнему доминирует, и тогда то, что мы делаем, не может создать хорошее; иначе говоря, мы не можем творить или создавать. А если мы не можем творить или создавать, тогда мы не сможем и работать. Мы все еще можем использовать термин «работа», но только в ограниченном смысле относительно сопротивления. Это чувство работы теперь отделено от чувства работы как деятельности, когда мы что-то производим. В результате, то, что мы подразумеваем под работой, зависит от того, где мы локализуем нашу способность делать что-то хорошее, будь то внутреннее или внешнее. Работа может означать созидание только тогда, когда спо-

собность делать что-то хорошее является внутренней; и это может быть только в том случае, когда процесс интернализации перешел к точке формирования Я и объекта как потенциала, а не представляет собой полностью сформированные реалии.

Стремясь реализовать потенциал, мы также работаем над экстернализацией нашей идеи. Таким образом, работа начинается с процесса интернализации, который мы называем постижением идеи, и завершается, когда идея формирует реальность вовне. Мы чувствуем себя реальными и живыми в этом сложном процессе, сочетающем в себе интернализациюи экстернализацию; процесс, сначала позволяющий создать, а затем преодолеть разницу между двумя мирами, в которых мы живем. Воспринимаемая таким образом работа – это создание воображаемой реальности, выходящей за рамки воображения. Мы можем поставить этот вопрос совершенно иначе, обращая внимание на то, как в работе мы стремимся урегулировать несоответствие между воображением и реальностью не просто адаптируясь к тому, что есть, или представляя себе, что именно так и должно быть, но понимая в двойном смысле определение «сформировать или совершенствовать в сознании» и «дать новую жизнь».[11]

Импульс быть субъектом или посредником (Я) – это импульс к творчеству в мире. Винникотт утверждает, что первым шагом в создании этого мира является игра, так что игра не только предшествует работе в процессе развития личности, но также является первым шагом к миру, в котором вообще возможна работа:

> И весь эмпирический опыт человечества основан на игре… Мы воспринимаем жизнь в области переходных явлений, в том захватывающем переплетении субъективности и объективного наблюдения, а также в области, которая является промежуточной между внутренней реальностью человека и общей реальностью мира, которая является внешней по отношению к индивидуальному.
>
> (Winnicott 2001, p. 64)

[11] Вебстер. Новый Словарь. Третье издание.

Игра – это подлинный процесс, позволяющий сформировать реальность, которая не является ни копией прошлого опыта, ни чистой фантазией, находящейся в сознании человека. Скорее она занимает то, что Винникотт называет промежуточным или переходным пространством, которое связывает реальность с воображением. Это пространство возникает ввиду определенного «соглашения» между родителем и ребенком. Родитель никогда не спросит у ребенка: «*Ты это вообразил или же это было представлено тебе откуда-то извне*» (2001, p. 12) Переходное пространство устроено парадоксальным образом, а именно: это происходит как внутри, так и вне нашего сознания.

Словарное определение игры фокусирует наше внимание в первую очередь на легкомысленности игры, а уже потом – на ее характеристику «как бы»:

> Заниматься или упражняться развлечениями или отдыхом; некое увеселение или развлечение; спорт, веселые игры. Развлекать себя имитацией чего-то. Поддерживать характерные особенности; выполнять какие-то обязанности или характерные действия; действовать или вести себя так, как если бы исполнялась определенная роль.
>
> (*Словарь английского языка. Оксфорд 1989*)

В отличие от работы, в игре нас не должны воспринимать всерьез. Иными словами, в игре нас не интересует реальность, поэтому то, чем мы там занимаемся никак нельзя проверить, в отличие от работы (серьезность того, что мы делаем на работе). В игре мы строим системы, соотносимые с собственным Я. В наиболее ранних формах игры эти системы не были связаны правилами, существовали только импульсы, которые мы выражали через них.

Между игрой и работой есть нечто очень важное, ибо несмотря на то, что и первое, и второе выражают способность к творческой конструкции, но ни в одном из них не будет достаточно только воображения. Поэтому игра позволяет нам сделать шаг вперед в направлении работы, а работа развивается по игровой модели, несмотря на то, что отклонения от нее могут быть более или ме-